

18+

ГРИГОРИЙ ЗАРУБИН

КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО

Григорий Зарубин

Куда уходит детство. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22972441

ISBN 9785448376061

Аннотация

СССР. 1982 год. Алексей Зарубин учится во втором классе. Погибает дядя в Афганистане, погибает на шахте отец. Бесконечные проблемы в школе. Жизнь заставляет быстро повзрослеть.

Содержание

Убить Гитлера	5
«Хлеб – всему голова...»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Куда уходит детство

Повесть

Григорий Зарубин

© Григорий Зарубин, 2021

ISBN 978-5-4483-7606-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Убить Гитлера

По-осеннему рано стемнело. Вскоре пришел отец с работы, что-то долго хрустел бумагой в прихожей. Я вышел встретить:

– У матери был? – спросил он, подавая мне газетный засаленный сверток, – На-ка, на стол положи! Бабка сальца передала.

– Я «четверку» получил..., – похвастался я.

– Так, был в роддоме?! – перебил отец.

– Да, был, был...

– Ну, чего...?!

– Все хорошо. Завтра мыла с зубной щеткой ей отнесу, – вздохнул я, приустав переживать от того, что мои школьные и трудовые успехи в этой семье больше никого не интересуют. Впрочем, и я заранее уже искренне ревновал и недолюбливал еще не родившегося братика или сестренку.

Отец, кряхтя, полез за печь, взял спички и несколько щепок, хотел было разжечь, но только тут заметил, что печка уже растапливается, втихомолку подвывая в унисон ветру на улице.

Молчком потрепал мои волосы. Полез в холодильник, и только тут углядел на плите кастрюлю. Открыл крышку. Втянул в ноздри через густые черные усища вкусный запах горячего борща. Поглядел пристально на меня:

– «Четверку», говоришь, получил? По физике?!

– Я же только во втором классе! – развел я руки, засмеявшись, – по рисованию...

– Молодец! – наконец-то похвалил он меня, и тоже задумчиво вздохнул, – ну давай ужинать... с чем супец-то?!

Вечером, как всегда, разошлись по комнатам. Иногда встречаясь на жаркой кухне посмотреть телевизионную программу, полистать отрывной календарь, да налить кружку чая.

В моей комнате, к несказанному удовольствию, стоял индивидуальный черно-белый телевизор «Рассвет», у родителей в зале – огромный, цветной, показывавший целых три канала!

Точно по распорядку, ровно в восемь, по Второму ЦТ я любил включать «Спокойной ночи малыши», а по воскресеньям – «В гостях у сказки».

– Так, так, так! – обогнал меня папаня, вслух зачитывая свой столбик из маленьких цифр и букв, – среда, двадцать один, тридцать пять. Чемпионат СССР по хоккею. ЦСКА – Химик. 2 и 3 периоды.

– Пап! А наших почему никогда не показывают?

– Потому что, б..дь, играть не умеют! Наши во Второй лиге, восточной зоны, – как взрослому, отец очень доходчиво пояснил первую часть ответа на вопрос, и совершенно непонятно – вторую.

– Пап! А это дядя Толя гостинец передал?

– Дядя Толя! – ухмыльнулся отец.

– Он, теперь тоже с тобой на шахте будет работать?

– Не знаю... Чего сахару так мало положил себе? Са-
ло ешь!

Отец, откупорив бутылку пива, ушел к себе. Я утопал
в свой угол.

«Во исполнение принятой продовольственной программы
майского Пленума ЦК КПСС...», – тут же донесся из зала
голос диктора, вместе с отцовскими матками, – «...спор-
ные территории Фолклендских островов... Советский Союз
воздержался...». Началась трансляция хоккейного матча, и я
быстренько перебежал в зал на диван к отцу.

«Третьяк на воротах! Герасимов! Меркулов! Удар по во-
ротам!!!», – и в этот момент показ матча прервали... Заиг-
рала симфоническая грустная музыка. По другому каналу –
балет...

– Едрите вас в корень! Ладно. Давай-ка спать...

Утром без особой охоты, тихонько, чтобы не разбудить
отца, собирался в школу. Папаня сегодня работал в ночную
смену, но тоже уже проснулся. Долго прокашливался в кро-
вати, вышел в коридор в одних трусах:

– В больницу не ходи, сам схожу.

Я уныло кивнул.

– Уроки-то выучил? – спросил отец.

Я снова кивнул.

– А с «поведением» как? Нет «двойков»?

Я отрицательно мотнул головой.

– Ну, иди. В обиду себя не давай, – напутствовал родитель.

Я сделал удивленные глаза...

– Разрешаю...

С «поведением» у меня, и правда, было туговато. Почти каждый день получал «неуд», а то и «кол» с пространными записями красными чернилами в дневнике.

В школе частенько за дальним шкафом с пыльным глобусом стоял в углу. Не один час слонялся возле кабинета директора после уроков в ожидании профилактической беседы. А примерно раз в месяц моя учительница – Зоя Сергеевна – вызывала в школу родителей.

Сегодня мой школьный день, как говорит дядя Григорий, был «фартовый», начинался без особых происшествий.

На первом уроке вычитали, умножали, делили:

– Аня! У Васи восемь яблок. Он два яблока отдал Пете. Еще двумя яблоками угостил Костю. Сколько останется у Васи яблок?! – спрашивала Зоя Сергеевна отличницу с первой парты.

Анечка что-то быстро писала в тетрадке, беззвучно шевеля губками.

– Зарубин! Бестолочь! Хватит вертеться!

– Четыре! – выкрикнул я, уже давно сосчитав все яблоки, а теперь помогая другу Димке с задней парты.

– Что, «четыре»? – переспросила учительница, будто не понимая, о чем идет речь.

– Четыре яблока осталось у Васи!

– Аня! Сколько у тебя получилось?

– Четыре, – чуть слышно, словно голосом умирающей соседки, ответила Анечка.

– Молодец, Аня, «отлично» – ставлю тебе за урок.

– А мне?! – взбунтовался я.

– А тебе, Зарубин, – «ничего». С места нельзя кричать.

«Ну и х.. с вами», – обиделся я про себя. Сделал, как у индейцев, непроницаемое лицо, гордо выпятив нижнюю губу.

Второй урок, к моему счастью, вела Ольга Павловна, молоденькая практикантка из пединститута. По списку в журнале спрашивала наизусть стихотворение Пушкина. Моя фамилия была вторая...

– Александр Сергеевич Пушкин, – печальным голосом начал я декламировать стишок, – «Уж небо осенью дышало,

Уж реже солнышко блистало...»

Ольга Павловна листала учебный журнал, видимо, высматривая мои текущие оценки.

«...Короче становился день,

Лесов таинственная сень

С печальным шумом обнажалась...», – с тоскливыми нотками закончил я чтение.

– «Троечку», тебе поставлю, Алеша Зарубин, – собираясь уже было с хитровато-подлым лицом вписать оценку в журнал.

– Почему – «три»?! – возмутился я.

– Потому что без выражения рассказывал...

– С выражением я, Ольга Павловна!

– Может и с «выражением», но очень уж как-то заунывно...

– Какое стихотворение, такое и «выражение»! – не сдавался я.

– Ну, хорошо, Алексей! А какие ты знаешь стихи с «выражением»?!

– Можно?! – обрадовался я, – можно прочитать?!

Ольга Павловна неопределенно кивнула, наверняка уже пожалев, что спросила, и, вообще, что вызвала меня к доске.

Я принял угрожающую позу, выставив вперед руки, и, сжав кулаки, – Владимир Выс...

– Стихотворение, надеюсь, не про зайца...?! – вдруг перебила меня учительница.

– Нет, не про зайца! Не матершинное! – успокоил я и продолжил, – Владимир Высоцкий! «Парус!»

Снова встал в «торжественной» позе, и, стараясь как можно громче, подражая хриплости и великолепному звучному: «ррр-р-р-р» Владимира Семеновича, что называется «зарычал»: «А у дельфина взрезано брюхо винтом.

Выстрела в спину не ожидает никто...», – «впечатывал» я каждое слово, – «На батарее нету снарядов уже.

Надо быстрее на вираже...»

Весь класс вместе с Ольгой Павловной неестественно притих. Анечка за первой партой округлила и без того большие

из-под длинных ресниц красивые голубые глаза. Димка сидел с открытым ртом, медленно пуская слюну. А Ольга Павловна отчаянно сжалась в учительский мягкий стул.

«Парус!!! Порвали парус!!!» – истошно, что было сил, закричал я.

Ольга Павловна аж подскочила от испуга. Приоткрылась дверь. Заглянул директор школы...

«Каюсь, каюсь, каюсь...», – уже на два тона тише закончил я чтение.

– Зарубин! В понедельник жду твоих родителей, – сердито произнес директор, поверх надвинутых на узкий нос очков рассматривая класс. Что-то прошептал на ухо практикантке.

«Пятерочка» моя с треском сорвалась. Я поправил съехавший набок пиджак, молчком сел на место.

– Ребята, – продолжил директор, – умер Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев. Завтра учебных занятий не будет. То есть в школу ходить не надо.

– Ой! Как хорошо! – захлопала в ладоши Анечка.

– Аня! Как тебе не стыдно! – даже немного испугалась Ольга Павловна.

Пробренчал звонок с урока. И я, напялив пальто с шапкой, побрел домой.

Школа от дома была недалеко. В частном секторе. Три остановки – если ехать на трамвае. Потом немножко подняться в гору, пройти переулок, где в одном из дворов постоянно кидалась на забор огромная рыжая овчарка, затем еще

чуть-чуть вверх, мимо почты, и вот – мой дом. Деревянный, обложенный кирпичом, с железной оцинкованной крышей.

Отец был дома. Сидел в кухне за столом, спиной к двери. Пока я раздевался, по радио под грустную музыку вещали о смерти советского «вождя»: «...идут рабочие, служащие, колхозники Подмосковья... студенты и учащиеся... нескончаем людской поток в Колонный зал Дома Союзов...»

Папаня был выпившим. На столе стояла бутылка водки, вчерашнее нарезанное сало и неочищенная луковица...

– А, Лешка, чего так рано?

– Отпустили, до понедельника.

Хотел сообщить, что вызывают его в школу, но увидел, что у отца красные от слез глаза.

– Чего ты? Брежнева жалко?

Отец приобнял меня, посадил к себе на колени. Даже, с чего-то вдруг, поцеловал в щеку, немного щекоча усами. От них вкусно пахло салом с чесноком, крепким табаком, и не очень вкусным запахом водки...

– Гришка погиб...

– Дядя Гриша?! В армии, на войне?!

– На войне, в Афганистане...

– А с кем мы там, пап, воюем-то?! – мое сознание не могло и не хотело воспринимать информацию о том, что младший брат отца, мой любимый дядя, мог взять, вот так и помереть. Пусть даже на войне...

– С фашистами, сынок.

– Ни фиги себе! Они еще живы?! А Гитлер?!

– И Гитлер, – «душман» проклятый! – у папани скатилась по щеке слеза. Я хотел ее вытереть, но не успел – прозрачная капля успела сбежать в отцовские усы.

– Завтра с утра в деревню поедem. Давай-ка тебе картошки пожарю...

Я безумно любил отцовскую жареную картошку, – всегда получавшуюся с аппетитной золотистой корочкой, со шкварками от сала, славно сдобренную луком и какой-то зеленью. Это, буквально, было его фирменное блюдо. Но только, извините, для меня. Потому что и готовилось оно, исключительно, только для меня...

Весь вечер я строил из домино «вражеские укрепления», помещая вовнутрь «солдатигов» – синие болтики от пластмассового конструктора. «Гитлер» был помечен красной гайкой. Мостился на ковре, вытянув ноги в коридор, и стрелял по «врагам» карандашами из игрушечной пушки с мощным пружинным механизмом. Все «погибали». Только болт с гайкой оставался неизменно «живым»...

Ночью приснился настоящий Гитлер, с усиками, и, как я и подозревал, директор школы с учителькой Зоей Сергеевной были с ним заодно. Я их хотел расстрелять из засады. Но, как же обидно, автомат в моем сне почему-то был неисправен...

«Хлеб – всему голова...»

Под утро ударил легкий морозец. Идти было скользко, – особенно вниз. Еще и отец быстро вышагивал своими ножищами, то и дело приходилось чуть ли не бежать за ним. Аж взопрел...

У забора с овчаркой, злобно рычавшей, не утерпел, показал ей кулак. Надо бы и камень в нее швырнуть, да некогда. А с другой стороны, когда еще такой великолепный случай выдастся?! Ха! Безусловно, с папаней я был отчаянно смелым...

– Ну, догоняй! Чего там плетешься? – прикрикнул отец. Как назло ни одного подходящего камня на дороге. Ладно, в другой раз...

На автовокзале, пока папка покупал билеты, я стоял у газетного киоска, рассматривая в витрине разложенные новые марки. Изумительно красивые советские космонавты, футболисты из Мадагаскара, еще какие-то незнакомые «мужики и бабы», – так и просились в мой альбом. Но киоск был закрыт, да и время неподходящее сегодня.

Пассажиров в ПАЗике было мало. Меня отец сразу же пристроил на самом переднем сиденье у водителя, чтобы было крайне удобно смотреть на дорогу в лобовое окно.

Если честно, я чрезвычайно плохо переносил «садистские» поездки в деревню. Неприятные животные приступы

тошноты портили весь злосчастный путь, и заканчивалось, как правило, жутким рыганием. Но, если восседал возле водителя – никогда. Даже если весь автобус изблюется. Сам отец, встретив знакомого Вахмистрова, уселся с ним в последнем ряду.

Ехать надо было часа три. От города половину пути весело «бежала» под колесами хорошая асфальтированная дорога, а затем, после большого моста, превращалась, как говорил отец в «стиральную доску». Сумки, чемоданы, колхозные авоськи то и дело вместе с людьми подскакивали чуть не до потолка.

А на крутых спусках у меня в животе становилось «щекотно». Закладывало уши. Но именно в этот момент откуда-то появлялось ощущение восторга, эдакого «детского» беспричинного мальчишеского счастья.

Иногда я оглядывался, чтобы посмотреть на отца. Папаня смотрел на меня или разговаривал с Вахмистровым, но большую часть времени они вдвоем чего-то «искали» на полу. Даже мамка не догадалась бы... Но я-то знал... Опохмеляются!

Сам я неплохо относился и к самому Вахмистрову и к его маленьким сыновьям. Хотя он и не работал на шахте. У него, конечно, не было эффекта черных из-за угля «крашенных» ресниц, отмывающихся со временем только в отпуске. Но отец сам не раз говорил, что «Петька долго не протянет в горячем цеху. Сгорит...»

– Как это сторит?! – не понимал я.

– Печи ремонтирует. Огромные такие металлургические печи.

– С наш дом?!

– Еще выше. И там очень жарко. Они обливаются водой, залазят внутрь, меняют запчасти, кирпичи...

– Ни х.., ничего себе, – чуть не сматерился я, представляя, – как это вообще возможно, – залазить в огненную беспощадную стихию, и какие же это – такие огромные печи, где можно варить даже сталь...

На полпути остановились у придорожного кафе. Так и есть. Отец с приятелем были «поддатыми». Купили целый сверток пирожков с капустой по четыре копейки за штуку и лимонаду. Ввиду того, что надо мной висел «злой рок очищения желудка» я не стал есть. Подумал, что лучше будет, если поем у бабушки.

Добравшись до обеда к бабулиному дому, вышло совсем не так...

На улице у ворот, во дворе, в избе было множество людей. У самой калитки стоял военный грузовик, с торчащим из кузова большим железным ящиком. Рядом стояли два солдата в шинелях, курили...

Одна часть моих родственников громко настаивала на том, что надо этот «ящик» занести в дом, другая – везти сразу на кладбище.

Была еще одна проблема. Бетонный мост по дороге

на кладбище затопило. Осень была дождливой. И людям по шею в ледяной воде не пройти. Если только не дать большой крюк до мостков.

Родственники ссорились. Бабуля навзрыд причитала где-то в избе. Решал все мой отец.

Машина с оцинкованным гробом в сопровождении меня, отца и деда Паши тихонько поехала, а народ пошел в обход.

Солдаты с дедом сидели в кабине, я с отцом – в кузове, накрытым тентом. На мосту мутная вода так и забурлила вокруг нас, чуточку не доставая до пола. Было бы совсем страшно, если б не рядом сидящий на скамейке отец. Он больше не плакал, держался. Надо было закончить мужскую часть работы...

Вернувшись с похорон, я наконец-то поел, отогрелся. А потом долго рассматривал дядину медаль «За отвагу».

Медаль была круглой, серебристого цвета. Вверху летели три самолета, а внизу ехал танк.

Значит, дядя Гриша погиб геройски, отважно. Наверняка, убил много «фашистов». Как выяснилось из разговоров за поминальным столом, был он танкистом.

Он и меня позапрошлым летом катал на своем мощном «касемьсоте». Из кабины огромного трактора все вокруг казалось таким малюсеньким: и деревенские бабы и девки, что кричали и смеялись нам вслед, – были совсем крохотными в своих ситцевых платицах...

Это у него я выпросил пластинку Высоцкого. Впрочем,

когда уезжали в воскресенье вечером домой, бабушка отдала мне все остальные пластинки, и все Гришины журналы «За рулем».

Я мог бы назвать себя в тот момент самым счастливым человеком на свете, если бы... если бы не дядя Гриша – в цинковом ящике...

В субботу надо было идти к мамкиной бабушке помыться в бане...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.